

Хотя вслух об этом никто не говорил, в такое время, если хочешь устроиться на завод, непременно нужно дать директору какую-нибудь выгоду. Сестрица Чжоу, разумеется, купила хорошие сигареты и алкоголь, а также приготовила для директора красный конверт с деньгами, и тот дал согласие.

Это дело не держалось в строгом секрете — в конце концов, когда сын сестрицы Чжоу внезапно устроился на завод, даже дураку стало бы понятно, что здесь не обошлось без темных дел. Сейчас дела у завода шли неважно, зарплату выдавали по душам: за исключением нескольких руководящих работников, получавших чуть больше, у всех остальных служащих всё было поровну. Общую прибыль делили на количество людей, сколько выходило — столько и выходило. Чем больше рабочих, тем меньше зарплата каждого.

Чжан Эрмэй боялась, что это скажется на ее собственных доходах, и не желала, чтобы сын сестрицы Чжоу попадал на завод, поэтому подняла шум, настойчиво утверждая, что директор взял взятку.

Директор ни за что не осмелился бы взять на себя столь тяжкое преступление, как взяточничество, и немедленно вернул подарки, а сына сестрицы Чжоу с завода выставили.

У сестрицы Чжоу было такое чувство, будто она готова заживо сожрать сердце Чжан Эрмэй. Чжан Эрмэй не боялась директора — в конце концов, он не мог ее уволить, — но опасалась таких же женщин, как она сама, вроде сестрицы Чжоу. Поэтому та притворилась больной и спряталась дома, из-за чего сегодня Цзи Лаогэнь и разбил ей окно.

— Да даже если бы вы не стали громить, сестрица Чжоу наверняка сама бы пришла его выбить, — помрачнев, Ли Чжу залпом осушил чашку вина. — Если она и дальше будет так навлекать на себя ненависть, это окно мне больше можно и не вставлять, только зря деньги тратить.

Вся семья Цзи глубоко сочувствовала ему: с такой скандальной женой любой бы не выдержал.

У Ли Чжу покраснели глаза:

— Цзяньго-гэ, сам подумай, неужели из-за одного человека он обеднеет на пару юаней? И вот ради этих нескольких жалких юаней надо портить человеку жизнь и становиться кровными врагами с целой семьей?

— Она лишь думала о том, что это же железная миска, и директор не сможет ее выгнать, но разве она подумала о том, почему ее вдруг перевели перебирать угольный шлак? Разве она подумала о том... почему я... почему я... — голос Ли Чжу сорвался на хрип. — Почему я не могу получить повышение!

Цзи Цзяньго тоже не знал, как его утешить, и лишь тяжело похлопал по плечу:

— Чжуцзы, ты так стараешься, в будущем всё обязательно наладится.

Цзи Юань тоже невольно похлопал Ли Чжу по руке и вдруг почувствовал, что зря они разбили окно в доме Чжан. Стекло стоит довольно дорого, ему было ужасно неловко перед дядей Ли Чжу.

Ли Чжу посмотрел на Цзи Юаня, и его глаза снова покраснели:

— Как-никак она родила мне трех сыновей, ради детей я ее терпел. Но ты посмотри, до чего она довела воспитание детей? Я примак, никудышный зять, живущий в примаках, мне не нужно подчиняться — надо слушать ее! — Ли Чжу в ярости ударил кулаком по столу. — Вот чему она учит моих сыновей, а? Учит тому, что мои же сыновья смотрят на меня свысока!

Ли Шулань закрыла Цзи Юаню уши, чтобы он не слушал этого:

— Юань-юань, ступай в комнату делать уроки.

Цзи Юань послушно кивнул и вернулся в комнату читать книгу. В первом классе заданий не было, и он как раз мог продолжить чтение того самого сборника Практическая серия законов современного гражданина. За дверью всё еще смутно доносились жалобы Ли Чжу. Цзи Юань вздохнул и снова посмотрел на радиоприемник, стоявший на письменном столе.

Поскольку это была ценная вещь, Ли Шулань тщательно накрыла его пылезащитной тканью, так что дома еще не заметили, что внутренности радиоприемника исчезли. В душе он думал о том, как бы заработать денег и купить недостающие детали, но в то время о свободной экономике не было и речи — на улицах не разрешались даже частные лавочки. Максимум, что допускалось, — это когда крестьяне выставляли на продажу кое-какие выращенные дома овощи, а всё остальное строго запрещалось.

Он — простой школьник, за которым к тому же ежедневно присматривают дома, — в глубине души совершенно не представлял, как можно заработать деньги.

Например, будь у него полный набор деталей, он смог бы вручную собрать радиоприемник, который оказался бы легче и компактнее нынешних громоздких аппаратов, а сигнал принимал бы гораздо чище. Он мог бы сделать его, но не смел выставить на продажу ради заработка, иначе это сочли бы капиталистическим проявлением, за которое можно угодить за решетку.

Свободная экономика еще не дошла до этих мест, и до восьмидесят шестого года заниматься индивидуальным предпринимательством где-либо еще, кроме как на юге, было крайне опасно. До тех пор он не собирался затевать ничего лишнего, решив просто спокойно учиться.

Что же касается дяди Ли Чжу, то слова Цзи Юаня о возмещении стоимости стекла не были брошены на ветер. Бедняга Ли Чжу и без того вызывал жалость, и Цзи Юаню было невыносимо

слушать всё это, только вот откуда взять деньги — он понятия не имел.

На следующее утро, перед тем как отправиться в школу, Цзи Юань спросил Цзи Лаогэня:

— Дедушка, можно мне получить карманные деньги вперед? В следующий раз я могу ничего не просить.

Цзи Лаогэнь удивился:

— В чем дело, Юань-юань, хочешь что-то купить?

— Я хочу заплатить дяде Ли Чжу за разбитое стекло.

Цзи Лаогэнь весело рассмеялся: хотя внук временами был излишне мягок, доброта к людям никогда не бывает лишней.

— Славный мой, тебе не нужно за это платить. Вчера, когда мы провожали его домой, я уже отдал ему деньги. Эх, Ли Чжу человек-то неплохой, вся беда — в его жене.

Цзи Юань облегченно выдохнул: можно сказать, одним долгом у него стало меньше, теперь оставалось думать только о радиоприемнике.

Ну а если достать деньги на детали действительно не удастся, он уже заранее был готов получить ремнем по мягкому месту.

Ввиду вчерашних событий семья Цзи снова возобновляла практику провожать и встречать Цзи Юаня из школы. Эту обязанность взял на себя занимавшийся по хозяйству дед Цзи Лаогэнь. Сам он был только рад: с сияющим видом крутя педали велосипеда, он доставлял сокровища-внука до самой школы и стоял у ворот до тех пор, пока тот не заходил в класс, и лишь после этого уезжал.

Обычные уроки, перемены. Когда закончилась утренняя гимнастика, к нему неожиданно прибежал Цзи У из пятого класса:

— Юань-юань, я слышал от брата Сяо-Сюна, что вчера тебя побили братья Чжан?

Цзи Юань покачал головой:

— Они не успели ударить, меня спас братец Сяо-Сун.

Цзи У помрачнел:

— Твою мать, да они совсем страх потеряли! Это ведь тот самый Чжан Мин в прошлый раз скинул тебя в реку? И теперь снова за старое, думают, раз Цзи У мой младший брат, значит, об него можно вытирать ноги?

Раньше они с Цзи Юанем не были близки, и весть о том, что того столкнули в реку, его ничуть не тронула. Но после того, как они сдружились, этот послушный младший братишка прочно вошел в его круг защиты, и услышать, что его обижают, было выше его сил.

— Не ругайся матом, — в ответ попытался усовестить его Цзи Юань. — Мы с дедушкой уже вчера отомстили им, я обещаю, что больше они меня не обидят.

— И как же ты собираешься это гарантировать? — Цзи У открыто презрел неспособного постоять за себя Цзи Юаня. — Ладно, предоставь это мне, больше тебе не придется бояться.

После окончания занятий Цзи Юн отвел Цзи Юаня на заднюю гору школы, где тот увидел Чжан Мина и Чжан Синя, которых удерживали Дачжуан, Муту и остальные ребята. Оба хулигана были избиты до синяков и кровоподтеков; Цзи У и остальные выглядели ненамного лучше, но было очевидно, что победа осталась за ними — их разбитые губы кривились в самодовольных усмешках.

Главарь средней школы «Красная Звезда» тоже был пойман Цзи Юном и Сун Цзинином, и его потрепали особенно сильно, в то время как сами Цзи Юн и остальные отделались легким испугом. Как-никак, будучи бывшими профессиональными юными хунвейбинами, обычные школьники им были не ровня.

Цзи Юань вовсе не собирался и дальше преследовать братьев Чжан. Он только что вернул дяде Ли Чжу деньги за стекло, и тут же выясняется, что его сыновей избили едва ли не до больницы — Цзи Юаню казалось, что после такого он еще долго не сможет смотреть в глаза дяде Ли Чжу.

Однако от добрых намерениях Цзи Юна и Цзи У нельзя было отказываться, поэтому он с серьезным видом выслушал принесенные под угрозами извинения братьев Чжан — вроде того, что отныне они признают его старшим братом и будут служить верой и правдой, чему Цзи Юн и остальные научились, начитавшись иллюстрированных романов о Речных заводах. Затем Цзи Юань с тем же важным видом принял трех братьев Чжан в свои младшие подручные, и лишь после этого Цзи Юн их отпустил.

Конечно, самому Цзи Юаню эти новоиспеченные шестерки были совершенно ни к чему, да и Цзи Юн с остальными не воспринимали всё это всерьез — им просто хотелось примерить на себя эту романтику и удаль.

Недавно в поселке открылся пункт прокаты книг, где за две копейки за штуку можно было взять почитать различные иллюстрированные издания Речных заводов и Троецарствия. Цзи Юн и компания бегали туда каждый день, увлекаясь чтением до такой степени, что им не терпелось разыграть нечто вроде побратимости в саду Гуань-юй или сборища героев на горе

Ляншань!

Разобравшись с делом братьев Чжан, Цзи Юн и его приятели вновь засобирались в прокат книг. Услышав об этом, Цзи Юань слегка встревожился:

— Скоро ведь экзамены за середину семестра, братец Юн, у вас точно всё в порядке с повторением? — Его взгляд скользнул по Сун Цзинину: — А как твои успехи, братец Сяо-Сун?

Он помнил слова учительницы о том, что в средних классах тот учился из рук вон плохо и его оценки были отвратительными.

Образование в поселке Биньцзян отставало от общего уровня: в начальной школе никогда не проводилось промежуточных экзаменов, да и в средней школе эту систему и практику рейтингов ввели только в прошлом году вместе с распределением нескольких новых учителей (включая Ли Шулань).

Сун Цзинину «посчастливилось» как раз угодить под самые первые в истории поселка полугодовые экзамены, и результат, разумеется, оказался предсказуемым. Учиться он не любил, но при этом страшно дорожил своей гордостью: будучи одним из главных заводил среди мальчишек на параллели, он увидел итоговые списки — а там сплошной хвост, самое дно! Лицо было полностью потеряно. Охваченный бунтарским духом переходного возраста, Сун Цзинин вместо того, чтобы подумать о том, как подтянуть учебу к следующему разу, принял показной вид полного равнодушия к рейтингам и открыто выказал презрение к экзаменам.

Заметив интерес Цзи Юаня, он фыркнул носом в знак пренебрежения и бросил:

— С чего это ты вдруг заговорил про промежуточные экзамены?

— Моя мама сейчас как раз готовит экзаменационные билеты.

Цзи Юн, еще никогда не сталкивавшийся с подобным, с любопытством спросил:

— А что такое промежуточные экзамены?

Сун Цзинин скривил губы в насмешливой гримасе:

— Да обычная проверка, толку от нее чуть.

Сидевший рядом Чжоу Чунь добавил:

— Но там выстраивают рейтинг, его вывешивают на стене у входа в класс.

— Вот как? — Цзи Юн не понял. — И какая от этого польза?

Тон и выражение лица Сун Цзинина источали глубокое презрение:

— Никакой. Просто тех, кто сдал получше, назначают старостами класса.

Цзи Юну стало совершенно всё равно:

— А, ну тогда нас это вообще не касается.

— То-то и оно, да и сложного там ничего нет, — протянул Сун Цзинин. — На прошлогодних экзаменах я вообще не заглядывал в учебник и набрал больше тридцати баллов, а этот Рупор целыми днями зубрит, и все равно еле вытянул на третье место! Проиграл двум девчонкам и ревел в классе как девчонка, просто позор на мою голову.

Рупором они прозвали одного одноклассника — короче говоря, главного доносчика, который вечно бегал жаловаться учителям.

Цзи Юн вытаращил глаза:

— Прямо-таки ревел? Вот позорище!

— То-то и оно! Какой смысл в каком-то бесполезном рейтинге? Всё равно ведь не поставят на хорошее место после выпуска, пустое баловство. — Сун Цзинин сплюнул. — Учителя просто водят нас за нос, как сопливых мальчишек!

Остальные приятели дружно закивали, разделяя его мнение.

Цзи Юань: «...»

Если бы Сун Цзинин не был его будущим наставником, он бы непременно заставил братца Юна порвать с ним всякие отношения.

Если бы Сун Цзинин не был его будущим наставником, ему было бы совершенно наплевать, учится тот или нет.

Но раз уж тот приходился ему будущим учителем и был обязан многим, оставлять человека в такой период пубертатного бунта было нельзя.

Пусть он не станет круглым отличником, но если пустить всё на самотек, через несколько лет он гарантированно превратится в кандидата на жесткие чистки.

— Экзамены за середину семестра нужны для того, чтобы проверить ваши успехи за прошедшие полгода, выявить слабые места и вовремя скорректировать учебу и повторение... — Цзи Юань был младше их всех, и никто в компании даже не думал прислушиваться к его словам: Цзи Юн и Сун Цзинин с товарищами уже увлеченно занимались своими делами. Цзи Юань вприпрыжку догнал их и, ухватив Цзи Юна за рукав, затараторил: — Братец Юн, если завалить экзамен и оказаться в самом низу списка, что делать на родительском собрании? Дядя ведь рассердится!

— Родительское собрание — это еще что такое? — удивился Цзи Юн, поворачиваясь к Сун Цзинину.

Тот покачал головой:

— Ни разу не слышал. Юань-юань, а что это за собрание такое?

Цзи Юань склонил голову набок:

— Это когда родителей приглашают в школу и отчитываются перед ними об успеваемости учеников! Этот рейтинг как раз для того и вывешивают, чтобы родители могли посмотреть. Мама говорит, в школах больших городов всегда так делают, и теперь у нас тоже будут проводить.

Нынешняя система образования переживала период восстановления, и министерство образования старалось перенимать передовой зарубежный опыт. Сама идея проведения родительских собраний и открытых уроков была выдвинута на повестку дня буквально в этом году, и получив несколько дней назад письмо от бабушки, Ли Шулань тут же подала заявку в школе. После нынешних экзаменов в средней школе «Красная Звезда» должно было состояться первое общешкольное родительское собрание в поселке, и на него несомненно придут абсолютно все родители.

— Юань-юань, ты серьезно? — недоверчиво переспросил Цзи Юн.

Цзи Юань кивнул:

— Разумеется, мама так сказала.

В ту же секунду у Сун Цзинина пропало всякое желание дурачиться. Хотя звезд с неба он не хватал, по основным предметам — литературе и математике — его оценки всё же дотягивали до проходного балла. Мать, даже будучи недовольна, за неимением других сравнений ограничивалась лишь редкими упреками. Но если она увидит этот список результатов — ему конец! Мать точно схватится за веник!

Он-то говорил Цзи Юну, что набрал больше тридцати баллов, но скромно умалчивал, что в их

классе всего едва наберется сорок человек!

Цзи Юн же, никогда прежде не участвовавших ни в каких рейтингах, еще не осознавал всей глубины грозящей ему опасности. Поразмыслив, он произнес:

— Я вроде бы в последнее время ничего такого не натворил, даже грамоту заслужил, учительница ведь не станет на меня жаловаться?

— Если место в рейтинге окажется слишком низким, дядя все равно разозлится, верно?

— Наверное... Хотя я думаю, что написал неплохо! — Цзи Юн отличался завидной самоуверенностью.

Проигнорировав его, Сун Цзинин повернулся к товарищу:

— Чжоу Чунь, а твой отец станет тебя бить?

Чжоу Чунь кивнул:

— В прошлый раз у меня была предпоследняя оценка, отец еще не знает, но если узнает — точно отлупит.

— И у меня дома так же, после каждого экзамена дома шлепают!

— Мои предки вообще особо не лезут, но если узнают мое место, поди тоже накостыляют!

Среди ребят возникло полное единодушие по поводу того, что «на родительском собрании им непременно зададут жару». Сун Цзинин нахмурился:

— Дела плохи. Как по вашему, можно ли хоть как-то подтянуть оценки за такое короткое время?

Цзи Юань обрадованно открыл рот, собираясь предложить свои услуги репетитора, но услышал, как Сун Цзинин продолжил:

— А что, если избить человек десять, чтобы они просто не смогли писать ответы на экзамене? Как думаете, сработает?

Оказавшись вне зоны последних десяти мест, он будет в безопасности.

— Они же сразу побегут жаловаться учителям, — отверг идею Чжоу Чунь. — По-моему, проще списать.

— Давайте перед экзаменом стырим сами билеты, я же открывал замок в учительской!

Хотя раньше эта компания шалопаев не придавала значения оценкам и училась спустя рукава, списывать им еще не доводилось. Теперь же, когда встал вопрос об успеваемости, в голову им приходили исключительно криминальные идеи.

Цзи Юань чувствовал, что у него опускаются руки:

— Послушайте, неужели никому из вас даже в голову не пришло нормально подготовиться?

Сун Цзинин бросил на него косой взгляд:

— Слишком хлопотно.

Один из приятелей с энтузиазмом окликнул мальчика:

— Эй, Юань-юань, твоя мама ведь учительница математики, дай нам ее экзаменационные билеты, сдрейфишь?

— Не говори глупостей!

— Не мели чепуху!

Сун Цзинин и Цзи Юн хором оборвали товарища. Цзи Юн даже злобно зыркнул на него:

— Хочешь украсть — иди и кради сам, перекладывать это на ребенка — какое же это мужичество!

Впрочем, красть билеты самостоятельно тоже было не слишком-то по-мужски.

У Цзи Юаня от тревоги лицо пошло морщинами:

— Хотите, я принесу мамины справочники, и мы будем готовиться вместе?

Сун Цзинин потрепал его по волосам. Ему не хотелось впутывать во всё это малыша, да и общих тем для разговора с таким правильным ребенком у него не было. Махнув рукой, он подозвал бегавшего впереди Цзи У:

— Цзи У, иди сюда.

Цзи У откуда-то приволок палку и, победно размахивая ею, подбежал обратно. Дачжуан, Мутуо и остальные с готовностью кинулись следом:

— Братец Сяо-Сун, какие будут указания?

Сун Цзинин слегка подтолкнул Цзи Юаня:

— Отведите-ка Юань-юаня домой, а сами идите гуляйте, нам тут надо кое с кем кое-что обсудить.

Цзи У очень хотел остаться и поспешно спросил:

— А что обсуждать? Возьмите нас с собой, мы проводим Юань-юаня и сразу вернемся!

Цзи Юн строго замахал руками:

— Детям знать не положено, идите играйте. Смотрите мне, доставьте Юань-юаня прямо до порога!

Цзи Юань сердито уставился на них: было очевидно, что вся эта компания собирается сговариваться насчет жульничества, кражи билетов или избиения конкурентов ради нужных мест в рейтинге. Оставить их без присмотра он никак не мог.

— Братец Юн, я не пойду домой, я с вами...

Сун Цзинин легонько щелкнул его по лбу:

— Тебе еще рано понимать такие вещи. Марш домой, и смотри не проболтайся маме, а не то больше не возьдем с собой играть.

— Точно-точно, — заторопился Цзи Юн. — Юань-юань, о чем мы сейчас говорили — никому ни слова, понял?

Цзи Юань горько пожалел о содеянном: лучше бы он вообще молчал про родительское собрание — в худшем случае их бы просто отлупили после экзаменов. Но если вскрыется жульничество, их могут исключить из школы.